

Сергей Николаевич Булгаков / Под ред. А.П. Козырева. М.: Политическая энциклопедия, 2020. 631 с.

Выход рецензируемой антологии в серии «Философия России первой половины XX века» был ожидаем. Невозможно представить полномасштабную историю философской мысли России и российского зарубежья без Сергея Николаевича Булгакова (1871–1944).

На первый взгляд простая формула, описывающая эволюцию мысли Булгакова, – «от марксизма к идеализму и от него – к православной религиозности» (с. 11) – на деле оказывается сложным соединением почти несоединимого. При этом составителю и авторам приходится одновременно говорить о философе и политике Сергее Николаевиче Булгакове и о богослове протоиерее отце Сергии Булгакове, причем каждая ипостась Булгакова настолько существенна, что сам выбор того или другого имени представляется мотивированным не только хронологически и исторически, но и идеологически. Необходимость подобного выбора приобретает знаковый характер, когда речь идет об одном из самых ярких представителей философии имени.

В книге наследие Булгакова представлено во всем многообразии во многом благодаря тому, что А.П. Козырев собрал работы авторитетных исследователей, в совершенстве знающих не только труды Булгакова, но и политический, социальный и культурный контекст эпохи. Подобный подход определяет структуру книги, концентрирующейся на ключевых сюжетах, понимании которых раскрывает для читателя мир Булгакова. Так, первый раздел «Философия: темы творчества» посвящен особенностям мышления Булгакова; во втором – «Философ или богослов?» – дана философско-богословская дихотомия его жизни; в третьем – «Философия имени и имяславие» – анализируется одна из наиболее сложных и противоречивых страниц его творчества; в четвертом разделе «Вехи жизни – вехи творчества» представлено несколько эпизодов его научной биографии. Может показаться, что во всех разделах речь идет практически об одном и том же. Действительно, Булгаков-богослов присутствует не только в материалах второго раздела, детали биографии обсуждаются не только в четвертом и т.д. Это, однако, не недостаток, а, напротив, сильная сторона антологии, позволяющая почувствовать цельность булгаковского характера, внутреннее единство его мысли на разных этапах ее эволюции. Оттого помещенная первой статья С.С. Хоружего «София – Космос – Материя: устои философской мысли отца Сергия Булгакова» воспринимается

как пролог ко всей книге, задающий общую интонацию и определяющий атмосферу взыскующего интереса к мельчайшим деталям булгаковской биографии и движению его мысли. Жанр антологии не предполагает присутствия заглавного автора или заглавной статьи, но эта статья по праву может рассматриваться именно так, а ее созвучие с текстом С.М. Половинкина «Софийный персонализм прот. Сергия Булгакова (фрагменты)» в завершающем разделе образует масштабное «идейно-биографическое кольцо», внутри которого органично располагаются работы других исследователей.

«Жизненный путь о. Сергия, его духовная эволюция отразили в себе многие типические черты судеб русской интеллигенции. Как сам он часто указывал, необычайно важными для его пути явились истоки – родовое происхождение и детство. Они сразу и навсегда утвердили в его мире как два незыблемых основания – Церковь и Родину» (с. 10), – так С.С. Хоружий определяет важнейшие составляющие творчества Булгакова. Статья, впервые увидевшая свет в «самиздате» в начале 1980-х гг. и получившая окончательное оформление в начале 1990-х гг., может быть отнесена к классике современного булгаковедения. Автор последовательно восстанавливает путь Булгакова-мыслителя от первых экзерсисов в области марксистской экономики до перехода на позиции православного патриота с демократическими иллюзиями и убеждениями середины 1900-х гг., активно переосмысляющего место православия в эпоху военных и революционных потрясений. К этому времени философия Булгакова получает окончательное оформление, а сам мыслитель начинает играть все более заметную роль в религиозно-политической и духовной жизни страны. Его участие в Поместном Соборе 1917 г., рукоположение в священники и членство в Высшем Церковном Совете, в антибольшевистском «Союзе возрождения», в Белом движении на юге России закономерно заканчиваются арестом и высылкой из страны в конце 1922 г. и обретением собственного места в религиозном и интеллектуальном пространстве российского зарубежья. Здесь на смену Булгакову-философу постепенно приходит Булгаков-богослов и православный педагог, руководитель Русского студенческого христианского движения и организатор учебного процесса в Свято-Сергиевском Православном богословском институте в Париже. На этом фоне примечательна характеристика происходящего

у Булгакова с 1890-х гг. философского поворота от немецкого идеализма к «оправданию мира», которое «имеет одну из главных своих сторон оправдание материи; и тип своего философского мировоззрения он сам иногда определяет взятым у Вл. Соловьева сочетанием “религиозный материализм”» (с. 19).

Религиозно-философская система мыслителя как «метафизическое учение о причастности мира Богу, соединяемое с богословским учением о догматических предпосылках такой причастности» (с. 23–24) заметно отличается от позиции большей части интеллектуального сообщества России и эмиграции, что создавало немалые сложности для Булгакова, обвиняемого в «ереси» и «обновленчестве», и православными традиционалистами зарубежья. Примечательно, что С.С. Хоружий не выступает апологетом булгаковской софиологии, подчеркивая справедливость отдельных ее постулатов и явную усложненность самой религиозно-философской конструкции. Преодоление влияния Вл. Соловьева и о. Павла Флоренского, поиск своего пути и выбор решений сделали в итоге софиологию Булгакова одним из важнейших достижений религиозной мысли эмиграции, поставив одновременно задачу ее критического осмысления. С конечным выводом С.С. Хоружего, думается, согласны все авторы антологии: «Его творчество и его судьба и сам его человеческий облик, отмеченный редкой нравственной высотой, глубокой искренностью и благородством, остались незабываемым воплощением лучших и светлых черт эпохи русского Ренессанса» (с. 45).

Несмотря на самокритичную аттестацию своей статьи как «беглого обзора», С.С. Хоружий исчерпывающе описал историческую эволюцию героя, и перед редактором стояла достаточно сложная задача отбора последующих текстов. В этом смысле показательна статья *К.Г. Исупова* «Эстетика отца Сергея Булгакова», в которой изысканность авторского стиля органично сочетается с четкостью определения приемов и инструментария Булгакова-философа и богослова: «...в его прозе не только традиционная богословская проблематика переводится в статус философской и тем самым позволяет описывать себя на “ином” языке, но и оба языка описания, предоставляемые богословием и философией, подвергаются транскрипции усилиями третьего, а именно эстетики» (с. 114). Эстетическое у Булгакова, по убеждению исследователя, – не перепев эстетизма культуры Серебряного века, не продукт эстетизации объектов его философского осмысления. И в «Философии хозяйства», и в «Философии имени», и в «Свете Невечернем» присутствует особый тип красоты. Эстетика Булгакова выстраивается в ходе осмысления им ключевых открытий западной философии и науки – от Ф. Шеллинга до Г. Дриша. Но если в «Философии хозяйства» «эстетическая аргументация

берет на себя роль языка описания онтологии хозяйственно упорядоченной мировой Красоты и своего рода эстетической эсхатологии» (с. 118), то в «Философии имени» и в «Свете Невечернем» «явление рукотворной красоты... отягощено для Булгакова тварностью и прочими атрибутами тленного мира и потому наследуемая им софийность вторична, как вторична и ущербна и красота этого мира, способного удержать дарованную ему софийность лишь на стадиях перманентного убывания» (с. 122). Убывающая красота оказывается «умирающей красотой» – этот тезис созвучен эсхатологическим настроениям Серебряного века. Соответственно, эстетический «фильтр», сквозь который К.Г. Исупов пропускает творчество мыслителя, неминуемо превращает булгаковскую эстетику в эстетику истории, где теософия и историософия соседствуют с эсхатологией и утопией.

В книге представлены опыты интерпретации ключевых понятий философии Булгакова. Так, *А.И. Резниченко* в своих статьях рассматривает особенности метафизики субъекта в работах 1920-х гг. и соотношение предестинации и судьбы в трактате «Иуда Искариот – апостол-предатель». *А.П. Козырев* исследует проблему личности, интегрирующей «все духовные способности и силы человека» (с. 113).

Особый интерес вызывает анализ полемических диалогов Булгакова с предшественниками и современниками. Так, среди его оппонентов – участников «умственного поединка на жизнь и смерть» (З.Н. Гиппиус) – И. Кант, Н.А. Бердяев, Л.И. Шестов. Пройдя через испытание неокантианством, Булгаков, как убедительно показывает *Н.А. Ваганова*, широко использует кантовскую терминологию в своей «Философии хозяйства», но при этом во многом расходится с автором «Критики чистого разума» и его последователями. Роль Булгакова в процессе эволюции российской общественной и философской мысли первой трети XX в. рельефно представлена в статьях *В.Н. Поруса*, анализирующего столкновение «почвенности» и «беспочвенности» у Булгакова и Л.И. Шестова, *Р. Цвален*, рассматривающей многолетние споры Булгакова с Н.А. Бердяевым, *Т.Г. Щедриной*, обозначившей точки схождения и расхождений в понимании Соборности Булгаковым и Г.Г. Шпетом. Современность философского дискурса Булгакова с точки зрения эпистемологии убедительно раскрыта *Л.А. Мукешинной*.

Вопрос о соотношении философской и богословской составляющих наследия Булгакова предметно рассматривается во втором разделе. По мнению *К.М. Антонова*, «философия религии, разрабатывавшаяся Булгаковым на протяжении всей первой половины его творчества, не только хронологически, но и логически предшествует его богословию», поэтому «невозможно адекватно понять это богословие, отрывая

его от философского творчества автора» (с. 265). Эта мысль находит подтверждение в размышлениях о софиологии Н.А. Вагановой и А.П. Козырева. Софиологический аспект учения Вл. Соловьева в интерпретации Булгакова – в центре статьи *П.В. Хондзинского*, подчеркивающего оригинальность булгаковской триаологии и влияние на нее о. Павла Флоренского, что, однако, не исключает пересечения отдельных идей Соловьева и Булгакова «вне софиологического контекста» (с. 333).

Существование булгаковской вовлеченности в споры об имяславии находит отражение в материалах третьего раздела, прежде всего в масштабном исследовании *Л.А. Гоготшвили* «Лингвистический аспект трех версий имяславия (Лосев, Булгаков, Флоренский)». Для автора Булгаков – один из значимых участников разговора о философии имени, а сопоставление его идей с идеями о. Павла Флоренского и А.Ф. Лосева дает основания говорить об особом лингвофилософском векторе проблемы имени. В исследовании философ порой уступает место лингвисту, и «лингвистические пласты» имяславия интересуют автора не меньше, чем философско-богословские. Нельзя не отметить и точность финальной метафоры: «Сколь бы ни различились... философско-теоретические положения трех версий имяславия, в лингвистическом отношении они взаимно дополняют друг друга, создавая вместе расширенное смысловое пространство. Лосев, Булгаков и Флоренский, почти всегда шедшие в своих частных рассуждениях в разные стороны, двигались при этом по одной окружности. Имяславская дуга, хотя и не без искр, свернулась в круг, во всяком случае, в лингвистический круг» (с. 374).

Примечательно, что булгаковская философия имени вызывает особый интерес у зарубежных исследователей – от Японии до Франции. Так, по мнению *Хориэ Хироюки*, «в онтологической модели “Философии имени” язык представлен как совместный труд трех начал: божественной Софии как надындивидуальной универсальной логической структуры, личностного эмоционального меонального хотения и индивидуальной личности» (с. 394). Для *А. Аржаковского* основным является созвучие лингвофилософских построений Булгакова с современной французской философией общения, в частности у Ж.-М. Ферри. Хотя последний не знаком с работами Булгакова, совпадение их взглядов достаточно для того, чтобы читатель увидел здесь пример «неслышного диалога», порожденного общим интеллектуальным контекстом.

Традиционный для серии биографический раздел включает помимо упомянутых фрагментов незавершенного труда С.М. Половинкина статьи *Е. Евтуховой*, *М.А. Колерова*, *В.Э. Молодякова*, *Т.В. Викторовой*. Наряду с собственно

биографическими сюжетами, например, об участии Булгакова в пропагандистских акциях православной церкви в Крыму здесь представлены и работы иного характера. Е. Евтухова делится с читателями своими наблюдениями, сделанными в ходе подготовки к печати английского перевода «Философии хозяйства» (2000). Опубликованные только в конце 1980-х гг. поздние работы Булгакова «Размышления о войне» и «Рассизм и христианство» становятся предметом рассмотрения В.Э. Молодякова. Несомненную ценность представляет публикация двух писем матери Марии (Скобцовой) к Булгакову в приложении к статье Т.В. Викторовой о взаимоотношениях пастыря и его духовной дочери. Они дополняют картину религиозной жизни русского Парижа конца 1930-х гг.

Особого упоминания заслуживают и составленные А.П. Козыревым «Хроника жизни и деятельности С.Н. Булгакова», библиография трудов мыслителя и избранная библиография работ о нем – важнейшее подспорье для каждого исследователя его творчества. Разнообразен и интересен иллюстративный материал.

К сожалению, ряд тем и сюжетов остался за пределами книги. Это, в частности, вопрос о сотрудничестве Булгакова с журналами и издательствами русского зарубежья, его взаимоотношения с иерархами Русской православной церкви за границей, педагогическая деятельность в Берлине, Праге и Париже.

Нет сомнений, что рецензируемая книга – серьезный вклад в историю отечественной философии XX в. Она позволяет представить цельный и яркий образ С.Н. Булгакова – философа, богослова и человека – в контексте его эпохи и нашей современности.

О.Е. Осовский, В.П. Киржаева

Осовский Олег Ефимович – Мордовский государственный педагогический университет им. М.Е. Евсевьева, Республика Мордовия, Саранск, 430007, ул. Студенческая, д. 11а.

Доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Мордовского государственного педагогического университета. osovskiy_oleg@mail.ru

Киржаева Вера Петровна – Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарёва, Республика Мордовия, Саранск, 430005, ул. Большевикская, д. 68.

Доктор педагогических наук, доцент, профессор кафедры русского языка Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева. kirzhaeva_vera@mail.ru

Osovskiy Oleg E. – Mordovia State Pedagogical University, 11a, Studencheskaya str., Saransk, 430007, Mordovia, Russian Federation.

DSc in Philology, Professor, Chief Research Fellow, Mordovia State Pedagogical University.
osovskiy_oleg@mail.ru

Kirzhaeva Vera P. – Ogarev National Research Mordovia State University, 68, Bolshevistskaya str., Saransk, 430005, Mordovia, Russian Federation.

DSc in Pedagogy, Professor of the Russian Language Department, National Research Mordovia State University.

kirzhaeva_vera@mail.ru

DOI: 10.21146/0042-8744-2021-4-219-222